
В предгорья не ведёт дорога – камни да случайный вереск
Вверх по лестнице порогов осетры идут на нерест
как неделимое устройство, память чешуи и крови
спиной распарывая воздух, выгребая на верховья
достать, уйти, успеть ко сроку, время зацепить краями
игра наперекор потоку – из пяти один дотянет –
природный код, а не упрямство леденящего нагрева
о скалы содранного мяса и разорванного чрева
подложка камикадзе, глассер поперёк волны на грани
ни перед кем не мечет бисер, вы-гре-бают, вы-гре-бают
былую боль, бывлые страхи видового океана
оттуда, где зимуют раки, до воды обетованной...

На фоне дождика слезами
наполняются истоки
качая веерную заводь
в полночь, за полночь, и только
одна звезда за облаками
и, подрагивая слепо
река потухшими зрчками
выполаскивает небо

Лишь светильники в опочивальне, их сумрачный глаз
переносит на стену две тени – и более нет никого
только россыпи слов, и луна, и серебряный час
наполняет ещё одну ночь, караулит рассказ
тихий голос нежнее, чем скрипка Римского-Корсакова

Говори, этой льющейся речи дозволено всё
это просто забавы, у смерти высокие займы
может, птицы на сказочной ветке, мечта или сон
Прерываю рассказ, буде твой ятаган занесён
а куда он опустится? Завтра узнаешь, о царь мой

Говори же – бессонная ария, твой сериал
без тебя не поётся – а если и голову с плеч, то
голоса сохраняет Аллах, и руки его жар
оставляет надежду... Когда же ты спишь, Шахрияр
разве тысяча раз и один раз не значит «навечно»

Говори, Шахразада! Отныне никто не умрёт
если не пожелаешь прервать волшебство до рассвета
Только ветер за окнами, тени ложатся на свод
и его, от восторга и ужаса скошенный рот
до утра приоткрытый, с налипшим кусочком шербета

ВЕЛИКИЙ ПОСТ

Всё так же часы успевали за длинным
дыханием солнца, до первого зноя
то – жаворонок, а не трель соловьиной
весны (по весне, о весеннем, весной)
уже призывал посмотреть веселее
на сотни примет, что исполнены смысла
Но лишь голоса на безлюдной аллее
ещё шевелили ряды кипарисов

– Сегодня рассвет не удержишь руками, –
один говорил, – я не знаю рассвета
– Планета, – заметил другой, – отдыхает
и ты отдохнешь, как сказали поэты
и можно разъять электроды и время...

Его неподвижная кардиограмма
качнулась – куда указали деревья
свернула колонна машин из Бергамо
за город, где дым из трубы помещения
колеблет у самого горла реторты
не ветренный пепел, а слово прощения
как нож проходящее стенку аорты

Над ипподромом дождь из никотина
две-три звезды и прочие детали
Волхвы опять собрались в Палестину
Луна, в ошмётках серой парусины
стремится к очертанию мушкета
исследуя куски осенней прели
Засим, задача: как убить поэта
под снегом оставляя до апреля

А не убить – нельзя. Долой ухмылки
не то он сам тебя назначит целью
и, улажая слух, в конце посылки
пропшёт насквозь! и поминай как звали
Назвался Жоржем – полезай в бароны
в Баранты бесконечной карусели
признания и прочие патроны
под снегом оставляя до апреля

Но это компромиссы, полумеры
романтика и прочие дуэли
Не легче ль довести до револьвера?
В Елабугу, на люстру «Англетера»?
От берегов пожизненного срока
где наволочка средство от метели
и на лесоповал Владивостока
под снегом оставляя до апреля?

И потому, венец родной породы
зачатый на компьютерной постели
убей поэта! причастись свободы
типичный, молодой, седобородый
молчащий за спиной – тебе рулады
на языке бесплатного варенья
и бла-бла-бла, и прочая баланда
и снег, что остаётся до апреля

В кубрике сено-солома – не то, что в квартире
ни своевластия денег, ни медного горна империй
Птичка приносит оливковый листик, формат А4
кто-то успел раньше времени выйти на берег
обосноваться в долине, навесить красивые дверцы
взять вековые кредиты у банка желаний
Принтер по кардиограмме печатает 3D-сердце
с целой аортой, без трещин и воспоминаний

Значит пора под посевы и скорые битвы
выстелить жизнь, пожиная короткое счастье и зависть
Время разрознит потомков, на хамов и благочестивых
внуков своих разделить на рабов и хозяев
снова назвать острова, океаны и горы
впрок алтари выжигая шумерам и грекам

Так утоли же меня! Я устал в этом дьявольском море
Утомони мою плоть, прародительница человеков
тело омой, научи меня вновь улыбаться
чтобы бесцельно любить тебя, снова и снова
Как тебя, кстати, зовут... Я не помню, меж пальцев
много воды утекло, да и в Книге об этом ни слова

По регламенту лампа включается
доводя белый день до предела
оловянный солдат размягчается
превращается в мокрое дело
деревянный хирург сомневается
мимо рук надевает перчатки
Яйца учат – и курица варится
ожидаая божественной Смятки

Эти бледные щёчки, перчаточки
на морозе горящие губы
и зима не получится святочной
если моль остаётся без шубы
и в запасе у доброго молодца
только десять минут для доклада

Набегали последние половцы
попросить пол-овцы до зарплаты
до полочки – полцарства небесного
но спросила какая-то Глаша
сколько надо, по меркам со-бесовым
серп-и-молота ведьме для стажа?

И забудется самое важное
по канонам хорошего тона
в нефтяную замочную скважину
не смотреться до Армагеддона
до конца, до предела играющих
с виртуальным огнём на диване
Эта белая ночь – настоящая
а других вообще не бывает

Каждый из них
выпадает однажды туда, где проём нарисован
где допустимы названия слов, но неясно где слово
и силуэт, уменьшаясь – в проёме – похож на пальто
но оно темнее другого

И не получится сравнивать и различать
азбука мозга суха, ти-ти-та, восковая печать
тело луча изгибает очаг, но пройти циферблат
не успевает за час
и невозможно понять – потому что узнать мудрено
смыслы растаяли и переставлены кадры кино
вышла на берег, на палубу We Shall, а там – Overcome
пальцы текло гугенот

Это растяжка в шпигате, невидимо по коридорам
ведра пустые швырять, до последнего зёрнышка пороха
занят, и негде достать – тишина – но попробуй её
куски разжевать камертоном

Вычислить первые темпы, освоить скольжение, взгляд
исподволь, главную тему и полутона, не подряд
жесты, а просто оттенки, свободные от насыщения
клоны молекул, поля –
здесь появляется воздух, тяжёлая капля воды
горы, моря и бессонница, птичьи следы
свет на плантации звука и слова, цветы на террасах
прошлого – из пустоты

Из многоточия, спичка внутри затемнённого дома
тьма называется ночь, ибо сказано: в бездне проёма
время всегда оставляет возможность упасть
словно зерно чернозема

Фиолетовым вечером в жёлтом часу
через пену неоновой плексигласа
пролетела снежинка и попала в слезу
только что вышедшую из глаза

от рекламы морей и дешёвых квартир
что вильнула на левой щеке и погасла
уползая в жидкокристаллический мир
только что вышедший из глаза

Застывала смола января на экран
ну и вот, говорила, сейчас будет трудно
как бесструнно аллегро на скрипке играть
или без скрипки на струнах

замерзать или течь, или просто скользить
до конца представления, падать на щебень
выдавая кристалл в оболочке слезы
за слезу, затвердевшую в небе